

— Сегодня у нас гости,— сказала мама.— Пожа-луйста, веди себя прилично. Дай нам спокойно погово-рить со старыми друзьями. Мы давно не виделись.

— Да,— сказал папа.

Таня вздохнула. Прилично — это понятно. И очень скучно. Они будут сидеть за столом целую вечность и говорить, говорить... Вот так посмотришь на взрослых в дверную щелочку и не поймёшь: как они умудряются говорить все одновременно? Как друг друга понимают?

Тане часто говорят, да ещё строго так: «Не перебивай взрослых». А им, значит, можно самих себя перебивать?

Таня фыркнула.

Или наоборот: кто-то скажет словечко, и все кива-ют, кивают молча, серьёзно так. Как будто раньше ни-кто этого слова не знал, а теперь — ах, какое слово! — и все его запоминают. Странные эти взрослые. Лучше бы истории рассказывали, смешные или страшные.

Таня вспомнила, как осенью, когда их дворовая компания вновь собиралась после долгих каникул и ребята приезжали в город кто откуда, они залезали в подвал дома, усаживались возле тёплой трубы и рас-сказывали всякие истории. Про каникулы, конечно, чаще ввали, но это чтоб интересней было. А лучше всего в полутёмном подвале слушать страшилки вся-кие. Про чёрную руку в чёрной-пречёрной комнате. Про Пиковую даму и как её надо вызывать из старого зеркала. Бр-р-р, мурашки по коже! Здорово!

Да много хорошего было. Но недолго. Однажды пришли ребята, а на двери замок — большущий, чёрный. Заперли подвал. Ну и всё, конец фильма. Не в песочнице же такие истории рассказывать.

Таня опять вздохнула.

А интересно, старые друзья — они очень старые?

Она представила, как папа открывает дверь на звонок, говорит: «Здрасьте-здрасьте», — и впускает согбенных старичков и маленьких седеньких старушек. Они опираются на палочки и смешно переставляют дрожащие тонкие ножки. А один старичок будет... Таня задумалась. Он будет слепой! Ага, и в круглых чёрных очках, как у кота Базилио в кино про Буратино.

Тут и в самом деле раздался звонок. Вот папины шаги в прихожей. Вот щёлкает дверной замочек, и папа удивлённо говорит:

— Здрасьте-здрасьте!

Он что — забыл, что гости придут? Или старичков оказалось слишком много? Ну, если они маленькие, как гномы, то это не беда: их можно поплотней усадить за раздвинутый стол, а те, кто не поместится, заберутся на спинку дивана и будут там ногами болтать.

Таня тоже любила восседать на этой высокой мягкой спинке, чтобы видеть всех не снизу, как обычно, а вровень и даже сверху. Только за болтание ногами её ругали, потому что она пинала сидящих на диване. Не нарочно, конечно. Просто иначе не получается, места же маловато. Но гостей-то ругать не будут, даже если они и пнут кого случайно.

Интересно, что там за старички такие? Правда, что ли, гномы?

Сгорая от любопытства, Таня приоткрыла дверь и посмотрела в щёлочку.

Гномов не было. В узкой прихожей вежливо толкались, снимая куртки, самые обычные люди. Два дядьки: один высоченный и весь очень большой, а

Другой — как папа, нормальный, но в очках. И две тётеньки, беленькая и рыженькая.

Ой, а где же обещанные старички со старушками?

Таня не смогла сдержать разочарования. На её: «У-у-у...» — взрослые дружно обернулись и почему-то засмеялись.

— А чей это нос в двери торчит? — спросила аккуратная Беляночка.

Таня насупилась.

— Это, наверное, девочкин нос, — предположила взлохмаченная Рыжуха. — Девочка спит себе, а любопытный нос дверью прищемили, вот он и застрял.

Такого Таня не стерпела и, чтобы доказать, что нос на своём законном месте, пошире открыла дверь и выставила лицо.

— А-а, — обрадовались дядьки в один голос. — Так вот ты какая! Давай знакомиться.

Таня быстро захлопнула дверь, но придержала её и прислушалась: кто первым пойдёт знакомиться? Дверь поддалась осторожному нажиму с той стороны. Это была мама.

— Дочь, я же просила.

Если мама строго говорит: «Дочь», — лучше не спорить. Таню вывели в большую комнату. Она только называется так — большая, а на самом деле сложенный диван и разложенный стол заняли её почти целиком. За столом уже сидели гости, и знакомство началось. Все сразу запомнили, что девочка — это Таня. А вот девочке нелегко пришлось: у всех гостей были длинное имя и длинное отчество (хорошо хоть фамилий не было), их и выговорить быстро без тренировки не получится, а сразу все запомнить — ну вообще никак. Поэтому Таня молча кивала, а про себя так и назвала их: Беляночка, Рыжуха, Великан и... Как его, в очках который? Надо уточнить.

— А вы случайно не слепой? — вежливо спросила она дядьку, когда назвали его длинное имя-отчество.

Дядька смутился, заёрзал и стал на всех оглядываться, как будто он сам не знает и ждёт подсказку.

— Ну не то, чтобы... — промямлил он. — Скорее, всё-таки нет.

— Жаль.

— Таня!!! — завопили родители.

Выдворенная обратно в свою комнату, Таня закрашивала фломастерами картинку в книжке-раскраске и думала: это не страшно, что он не совсем слепой. Кот Базилио тоже подсматривал из-под чёрных очков, а на груди у него была табличка: «Слепой». Значит, так тому и быть: Слепой! И тут уж ничего не поделаешь. И она кивнула сама себе.

Эх, как жалко, что гномы так и не пришли! Не смогли, наверное. Или не сумели добраться. С ними было бы весело.

На большой тыкке, которую Таня закрашивала сначала ярко-жёлтым, а потом и фиолетовым для пушек красоты, она пририсовала сидящего гномика в треугольном колпачке. Славный получился человечек. Вот если бы они вошли в эту дверь, прошли вот здесь вдоль стены, забрались бы на кровать и расселись над нею, весело болтая ногами, хохоча и перебивая друг друга всякими историями...

Таня и не заметила, как нарисовала фломастером на обоях целую толпу гномиков. И все — в треугольных колпачках, с тонкими ножками и палочками в ручках. Они как-то сами нарисовались, пока она бормотала:

— Здравсьте-здасьте, проходите, пожалуйста, пинайтесь на здоровье, и ничего вам за это не будет, ни полсловечка даже...

И тут дверь открылась. Вошёл Великан. Он окинул взглядом Танины художества и улыбнулся. А потом протянул девочке кулачище и сказал своим большим голосом:

— А это подарок.

Подарок — это здорово. Но кулак не дарят. Кулаком только погрозить можно. И Таня догадалась. Она обеими руками стала старательно, по одному, выпрямлять большие тёплые пальцы Великана. А там...

Девочка затаила дыхание.

Там, на большой бугристой ладони, посверкивала диковинка: стеклянная лошадка! Она вся-то была с Танин мизинчик, но совсем как настоящая, с милой мордой, выразительными глазами и крошечными ушками. Она была полупрозрачная и медовая, как капля густого тёмного мёда, тёплого от солнца. А грива и хвост мягко струились долгими золотистыми волнами и завивались кольцами. Тонюсенькие грациозные ножки, слегка согнутые, будто лошадка вот-вот резво поскачет, были и вовсе прозрачными, как струйки утреннего дождика.

— Ой,— Таня даже задохнулась.

Она во все глаза разглядывала это чудо. Взяла, попыталась посмотреть сквозь неё, но лошадка такая маленькая, что её надо прямо у самого глаза держать. Потом лизнула кончиком языка: нет, не сладкая.

— Эй,— встревожился Великан,— ни в глаз, ни в рот её совать нельзя!

Тогда девочка пустила лошадку поскакать по столу, чтобы она перепрыгивала через груды фломастеров. И тут вошла мама, а следом в дверь полезли гости.

— Осторожно! — воскликнула мама.— Это же стекло!

Она выхватила из Таниных рук лошадку, сказала: «Какая прелесть»,— и поставила её на высоченную книжную полку, куда дочка не доставала даже со стула, рядом с хрустальной вазочкой, тоже убранной от детских рук подальше.

— Это мой подарок! — возмутилась Таня.— Отдай! Так нечестно!

Но мама не услышала. Зато увидела. Она стояла, озираясь, и только руками всплёскивала:

— Ну что же это такое? Ни на минуту одну оставить нельзя! Все обои искалякала!

Рыжуха почему-то захохотала. Беляночка спросила:

— А это что? Таракашки?

Помощь пришла откуда не ждали.

— Разве вы не видите? — сказал Слепой. — Это человечки. Это твои гости, да?

Таня кивнула, глотая слёзы.

Когда за гостями захлопнулась дверь и в доме настала тишина, а девочка была накормлена, умыта и уложена в постель, к ней подошёл папа сказать «спокойной ночи». Уснуть Таня не могла. Её одолевали мысли.

Он опять говорил скучные слова про то, что надо себя хорошо вести, что лошадка слишком хрупкая и может разбиться, поэтому играть с ней нельзя...

— А что можно? Зачем она нужна?

— Смотреть можно.

Но маленькая лошадка стояла так высоко, что и смотреть не на что. Поблёскивает искорка в полумраке — и всё. Таня решила, что это самая бестолковая и бесполезная вещь на свете. И ещё решила больше про неё не думать, чтобы не огорчаться. Ну как про вазочку, которую тоже нельзя трогать. Стоит там — и стоит себе...

А через несколько дней она заболела. И не просто чуть-чуть, когда насморк, а сильно и тяжело. Целый день девочка лежала в постели. Вставать не разрешали, да ей и не хотелось, сил не было. Ни вставать, ни есть. Было сонно, все вещи в комнате были какие-то зыбкие и ненастоящие, а свет из окна — очень резкий. Таня неловко отмахивалась от него, от тарелки, подставленной мамой, от лекарств, которые заставляли её глотать, и даже от звуков — слишком больших и гудящих в её тяжёлой голове... Глотать было больно. И говорить не получалось.

А ночью девочке стало совсем худо. Сама уже не понимала, спит она или нет. Стены, всегда такие прочные и одинаковые, кривились, горбились, угрожающе

наклонялись... Потолок налился тяжестью. Гномики испуганно зашевелились, загомонили и побежали прятаться. Ожил рисунок на обоях: букетики цветов зашевелились и поползли в разные стороны, как злые козявки. Они забрались на потолок, на шкаф, полезли на одеяло. Таня пыталась их сбрасывать, звать на помощь, но ничего не получалось. Руки были тяжёлые и непослушные, а голоса не было.

Словно сквозь вату Таня услышала:

— Да она горит вся!

«Я — горю? Ух ты, надо посмотреть, как это». Девочка пыталась открыть глаза — и не могла. И вдруг увидела себя со стороны — неподвижно лежащей на кровати, со спутанными волосами и таким бледным лицом, что даже губы белые. Тельце, прикрытое лёгким одеялом, и вправду голубовато светилось. А козявки упорно карабкались на постель, вот уже до простыни добрались, до одеяла...

В окно приветливо заглянула румяная полная луна. Покачала головой: «Ай-ай», — и протянула в комнату луч. Он пробежал через темноту, нащупал полку и радужно заиграл на хрустальных гранях вазочки. Вазочка начала медленно поворачиваться, разбрызгивая цветные искорки по всей комнате, всё дальше и дальше. Тихая музыка пошла волной, как невидимая вода.

И тут ожила стеклянная лошадка. Подняла склонённую голову, распушила гриву, топнула приподнятой ножкой и стала большой — девочке впору. Полупрозрачная, медовая, лёгкая, она была чудо как хороша! Смотреть на неё было небольно и приятно.

Лошадка одним грациозным прыжком облетела всю комнату, постукивая копытцем по стенам. Стены перестали вихляться и встали смиренно. Лошадка легко прыгнула под самый потолок, махнула на него шелковистым хвостом и ринулась вниз, к кровати. Козявки бросились врассыпную. Разбежались они по стенам и снова стали мирными букетиками цветов.

Откуда-то повылезли осмелевшие гномы. Повертели головами в треугольных колпачках, поняли, что опасность миновала, погрозили бумажным цветам своими тонкими палочками. И сразу расшалились: залезли, помогая друг дружке, прямо на лунный луч! Стали по нему бегать, как по канату. А некоторые зацепились за луч коленками и повисли вниз головой. И как они колпачки не теряли?

Стало весело и волшебно. Исчез страх, ушла тяжесть.

«Иди, иди к нам!» — верещали гномы и махали Тане ручками.

«Иди», — ласково произнесла лошадка. Голос у неё был дивный — мягкий и обволакивающий.

Девочка стояла, крепко обняв лошадку за тёплую медовую шею, зарывшись лицом в золотую невесомую гриву, и с удивлением понимала, что слушает её голос не ушами, а всем своим существом. Как и музыку. А стоят они не на полу, как обычно, — на воздухе! И двигаться в воздухе оказалось так же легко и естественно, как прежде на полу. Это было странно — и прекрасно.

Лошадка увлекла девочку, опустилась на луч. Он был тихо-зеленоватым, нежным, как мамина рука, и мягко щекотал босые ступни. Таня прошлась по лучу, с наслаждением погружая ноги почти по щиколотку в его светлую прохладу. Покачалась, как на канате. Села на него, а потом легла на спину и стала раскачиваться на луче, будто в гамаке. Это тоже было легко и весело.

«За мной!» — скомандовала лошадка и устремилась к окну.

Таня с восторгом вцепилась в золото гривы, летя рядом. Они проникли сквозь стекло и даже не заметили его. Как будто они были светом!

«О-о-о, я умею летать! — запела девочка. — Я умею гореть, о-о-о, и умею летать!»

Они летели над двором, над улицей, над городом... Дома остались внизу, такие маленькие, совсем игрушечные. А в лицо Тане дышала полная румяная луна и

*Рис. Анасты Толстовой-Старк
(Мичиган, США)*

посылала ей новые лучи, ещё гуще и шире того, первого. Звёзды искрились и мерцали в необъятной черноте неба и тоже протягивали девочке свои тонкие прерывистые лучики. Так заманчиво ухватиться за них! Но лошадка

покачала головой: «Не трогай. Нельзя». И Таня не посмела ослушаться. Не всё можно трогать руками.

Это был чудесный, захватывающий полёт.

«Ещё, ещё...» — шептала девочка, но лошадка сказала: «Пора возвращаться».

Они сделали большой плавный вираж, спускаясь на землю. Вот знакомый двор, вот и наше окно. Они просочились сквозь стекло и оказались в комнате.

«Но почему? Мне так хотелось подержаться за лучики!»

«Если бы ты взялась за них, звёзды утянули бы тебя в такую дальнюю даль, откуда нет возврата. И даже я не смогла бы тебя догнать. Там другой мир».

«Я хочу увидеть другой мир! Мне интересно. А звёзды какие красивые, блестящие!»

«А как же мама, папа? Как можно оставить их одних, в разлуке и печали?»

Таня вздохнула и кивнула: «Я понимаю». Потом задумалась: а какой же мир — настоящий? Тот (она взглянула на кровать) или этот (и коснулась луча)?

«И тот, и другой, — ответила лошадка её мыслям, и девочку это даже не удивило. — У всего и у всех есть своё место и своё имя в разных мирах, и необязательно удирать к звёздам. Я могу быть и там, на полке, а могу — рядом с тобой. Всегда, когда тебе это нужно».

«А я?»

«Как тебя зовут там?» — лошадка кивнула на кровать.

«Таня. Как же ещё?»

«А здесь ты — Тайна. Почти как Таня, да не совсем».

«Тайна... Красивое имя. Мне нравится. И ты мне очень нравишься. Очень-очень. Ты ещё придёшь ко мне?»

«А я и так с тобой. Я же твой подарок. Забыла?»

Лошадка тихо засмеялась, медленно приблизила свои большие глаза, опущённые чёрными ресницами, к лицу девочки и словно втянула её в глубокие зрачки.

Одеяло на кровати шевельнулось. Губы лежащей девочки порозовели и шепнули:

— Тайна...

В комнату тихонько вошла мама. У неё были красные заплаканные глаза. Мама опустилась у кровати на колени и замерла. Девочка шевельнулась, прошептала что-то. Мама напряжённо вслушивалась, но разобрала одно лишь слово: «Тайна... Тайна...»

Утром девочка уже сидела, обложенная подушками, и с удовольствием пила тёплое молоко. Мама с папой от неё не отходили, гладили, целовали и мешали держать чашку, наперебой пытались помочь.

— Мама, твоя рука — как лунный луч.

— Таня, Танечка, фантазёрище, как же ты напугала нас ночью...

— Это не фантазия. Это — правда! И я не Таня, — сказала девочка, отрываясь от чашки.

Над её ярко-розовой губой белели смешные молочные усы.

— Вот как? А кто же ты?

— Тайна.

— Ну, не хочешь — не говори.

Высоко на полке озорно блеснула медовая фигурка. И Тайна помахала ей ладошкой.